

Словакии. Автор подчеркивает, что календарная обрядовая традиция — социальное явление; она сохраняет свое значение в культурной и общественной жизни. Меняется функция обычаев: на первое место выдвигается их праздничная, увеселительная сторона. Изменилось значение архаических форм: во многих случаях исчезает их церковное содержание, появляются новые формы обычаев, соответствующие требованиям современного праздника.

В статье Б. Бенеша отражены результаты изучения календарных обычаев с точки зрения фольклористики. Исследуя игровую, театральную и развлекательную знаковую обычаев, автор применяет семиотический метод³². Большинство статей сборника содержит многочисленные карты и диаграммы. Таким образом, вводится в научный оборот огромный материал, который ждет дальнейшей разработки³³.

Все статьи в рецензируемой серии снабжены ценными источниковедческими и библиографическими комментариями, а также обстоятельными резюме на русском и немецком языках. Содержание статей доступно специалистам и широкому кругу зарубежных читателей, не владеющих чешским и словацким языками. Издание серии, выпускаемое брненским издательством «Блок», отличается отличным полиграфическим качеством и высокой культурой оформления. Все книги богато иллюстрированы и документированы многочисленными photographиями (прекрасные цветные фотографии украшают и суперобложки). Это поистине образцовое во всех отношениях издание укрепляет высокую научную репутацию чехословацких этнографов и фольклористов.

³² Beněš B. Výroční zvyk jako hra, divadlo a zábava.— Ibid., s. 67—73.

³³ Издание серии продолжается. Когда настоящий обзор был подготовлен к печати, вышел в свет очередной, девятый, том серии — сборник Свадебный обряд. Современное состояние и изменения. (Svatební obřad. Současný stav a proměny/K vydání připravil Frolc V., Brno, 1983). Он заслуживает специальной рецензии.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры)/Отв. ред. Арутюнов С. А. и Маркарян Э. С. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1983.

Монография «Культура жизнеобеспечения и этнос», написанная большим авторским коллективом, в который входят этнографы и философы-культурологи, стала заметным явлением в области изучения этнической культуры. Впервые, насколько мне известно, в отечественной науке предпринята попытка теоретически рассмотреть «культуру жизнеобеспечения» этноса в многообразии составляющих ее элементов и провести на базе теоретических культурологических концепций конкретное полевое исследование. Придерживаясь с самого начала принципа «многомерного» изучения социальных явлений в пространстве (расчлененном как зонально, так и регионально) и во времени, авторы соблюдают его последовательно на протяжении всей книги, что и принесло им желаемые результаты.

Разумеется, как всякий пример сложного научного поиска рецензируемая работа может оцениваться с разных точек зрения. С позиции этнографа остановлюсь здесь на двух ее аспектах: понятийно-методологическом, т. е. на вкладе в теоретический аппарат этнографической науки, и конкретно-дескриптивном, куда можно в целом отнести использованные авторами методы и практику сбора, анализа и последующей подачи читателям конкретного этнографического материала. Именно эти аспекты, на мой взгляд, в наибольшей степени характеризуют специфику подхода авторского коллектива, проведенного им исследования и самой монографии как его конечного результата.

Хорошо известно, что советская этнографическая наука переживает сейчас период активного расширения своего понятийно-методологического аппарата. Новые термины и концепции, теоретические конструкции и классификации, попытки сотрудничества этнографов с представителями самых разных смежных дисциплин — неотъемлемая черта нынешнего этапа ее развития. Такая ситуация творчески, несомненно, плодотворна, но лишь время может показать, какие из предложенных терминов и концепций войдут в широкую практику этнографических исследований, а какие окажутся «калифами на час» в истории науки. С этой точки зрения монография «Культура жизнеобеспечения и этнос» скорее выглядит щедрым научно-понятийным резервом, из которого со временем, видимо, будут отобраны наиболее удачные находки и решения.

Не последнюю роль при этом будет играть точность предлагаемых авторами понятий и терминов. Так, несомненно удачным кажется сам вынесенный в заглавие книги термин «культура жизнеобеспечения», представляющий дальнейшее развитие весьма

образного перевода английского слова «subsistence» (дословно «существование», «пропитание», «средство к существованию»), который в свое время предложил С. А. Арутюнов. Очевидно, что «жизнеобеспечение» шире и понятийно богаче, чем «существование» и тем более «пропитание». Неудивительно, что на основе удачного термина естественно развилась своеобразная понятийная конструкция «культуры жизнеобеспечения», которая гораздо интересней осмысления столь популярного в зарубежной антропологии термина «subsistence», под которым обычно понимаются формы хозяйственной деятельности, направленные на производство пищи.

Именно разработка понятия «культура жизнеобеспечения», введение его в научный оборот (до этого адекватного термина на русском языке просто не существовало) и его осмысление на конкретном этнографическом материале — одно из наиболее удачных, на мой взгляд, творческих решений в новой книге. Но если вернуться к вопросу о перспективности и точности терминов, то можно привести и другой пример — использование авторами в монографии понятий «система» и «подсистема». В настоящее время едва ли вызывают сомнение необходимость системного подхода в научном исследовании (в том числе и этнографическом), перспективность системного анализа категорий «этнос», «ландшафт», «культура», «человеческая деятельность» и т. п. Но признание необходимости системного подхода к изучаемому объекту или явлению (или точнее — системного подхода к его изучению и описанию) не всегда сразу же раскрывает механизм его функционирования, зачастую даже, напротив, маскирует его. Понятие «система» предполагает не только использование авторами в своем тексте весьма своеобразного метаязыка, например: «В число вторичных ЖС можно включить также... и ряд других подсистем, в народной культуре... опирающихся на КО, КП и ЖПК» (с. 55), но и определенную логическую конструкцию, выявление специфики внутренних и внешних связей, особый подход и методы конкретного описания.

В этих условиях широкое употребление уже достаточно стертых слов «система» и «подсистема» или рассмотрение всех элементов культуры как особых «систем» того или иного таксономического ранга далеко не всегда приближает нас к познанию истины. То, что порой бывает ярко видно в системах природных или экономических, вовсе не обязательно должно столь же отчетливо проявляться в системах гуманитарных — культурных, поведенческих, идеологических. Поэтому меня несколько не удивил высказанный авторами в «Заключении» тезис о фактической ограниченности принятого ими системного подхода, поскольку «различные сферы культуры жизнеобеспечения ... в своих изменениях как во времени, так и в пространстве, хотя и зависят в какой-то степени друг от друга, но степень этой зависимости относительно невелика, и в значительной мере изменения эти определяются прежде всего соотношением факторов, действующих в других сопредельных сферах культуры» (с. 274).

Формулирование такого тезиса на основании большого эмпирического материала — важный вывод авторов, к которому они должны были прийти всей логикой своего научного анализа. От первых страниц книги, где они сначала предложили читателям сложную концепцию общего системного членения культуры и человеческой деятельности, до конкретных, весьма насыщенных глав с описанием поселений и пищи армянского крестьянства, данным на два хронологических среза: конец XIX — начало XX в. и 1970-е годы, и до «Заключения» с его итоговыми выводами об относительной независимости сложения и развития разных сфер жизнеобеспечения читатели могут вместе с авторами пройти их многотрудный творческий путь. Пройти, чтобы убедиться: культура этноса системна и многокомпонентна, и системный подход действительно является необходимым, хотя и не всегда достаточным условием ее научного анализа. Это достаточное еще предстоит найти: возможно, оно лежит в особой культурной символике (интерес к которой отчетливо проявляется в некоторых частях книги), или в высокой роли внутри- и межэтнических информационных связей в современную эпоху, или, наконец, как мне кажется, в особых законах эволюции различных культурных явлений под влиянием динамики их статуса и престижного значения в общих рамках этнической культуры. Поставленную же авторами цель рассмотреть и описать культуру жизнеобеспечения (как часть культуры в целом) в виде единой действующей системы, по-видимому, следует считать сверхзадачей, которую невозможно было выполнить «с первой попытки», тем более на примере крупного этноса, взятого почти в вековой динамике.

Однако уже сама постановка и детальное формулирование столь своеобразной сверхзадачи — несомненный успех авторского коллектива. Но ведь авторы предлагают также разработанные и примененные ими на практике конкретные методы ее решения. С некоторыми из них можно, разумеется, поспорить, что-то покритиковать за излишнюю порой усложненность или вычурность, что-то, наоборот, — за недостаточную глубину или слабое использование результатов и методов, успешно применяемых при описании других этнических культур. Но это — частные детали; в целом же читателям представлен пример развернутого конкретного описания основных элементов культуры жизнеобеспечения, мимо которого исследователям уже нельзя будет пройти в будущем при изучении поселений, жилища и особенно пищи в любой национальной культуре. Отрадно, что авторы, работая на конкретном региональном и этническом материале, смогли устоять от искушения пойти по пути «народоведческого дескриптивизма». Почти каждый самостоятельный раздел описательной части монографии завершается развернутой типологической классификацией; некоторые из них имеют важное теоретическое значение.

Конкретные выводы отдельных разделов второй части книги суммированы в «Заключении» (см. с. 271—276), где, сведенные воедино, они приобретают особый, общетеоретический смысл. Именно так преломляются заключительные построения авторов о проявлении в армянской культуре жизнеобеспечения своеобразных бинарных оппо-

зиций (горный — равнинный, периферийный — центральный, бедный — богатый, отсталый — развитый и т. п.) и их четкой скоррелированности. Хотя в советской этнографии региональные и локальные особенности культурной традиции всегда были предметом повышенного внимания, они практически почти не анализировались под таким углом зрения. Поэтому для целого ряда оригинальных выводов книги (например, о своеобразии проявления зональных и региональных особенностей в различных сферах культуры жизнеобеспечения или референтной роли одного локального варианта в развитии культуры в целом) в отечественной этнографии имеется пока крайне мало сопоставимых сравнительных материалов.

Можно лишь приветствовать, на мой взгляд, и особое внимание авторов к проблеме престижности, престижно-социального знака в национальной культуре (см. итоговые выводы на с. 272—273), которая также до сих пор не получила должного освещения на отечественном этнографическом материале. Первое же обращение к ней на конкретных данных армянской сельской культуры принесло авторам книги яркие, оригинальные результаты (см., в частности, вывод о престижности на общеармянском фоне центрального, равнинного, богатого варианта культуры Айрарата или тезис о повышении престижно-знаковой нагрузки на различные элементы культуры жизнеобеспечения в современную эпоху и т. п.).

Однако и описательная часть работы не свободна от некоторых пробелов и недостатков. Так, широко раскрывая перед читателями теоретическую и общеметодологическую стороны поиска (временами, скажем, излишне щедро: с большими отступлениями, постоянным апеллированием к более ранним работам, развернутой дискуссией с оппонентами и т. п., что особенно характерно для первой части книги), авторы на удивление скупы в характеристике методической стороны своего исследования. Фактически этому посвящены лишь три абзаца на с. 105 (и отдельные фразы на других страницах книги), из которых читатель только и может узнать, что весь огромный фактический материал был собран в ходе анкетирования нескольких «наиболее пожилых и опытных информаторов» в каждом из 29 выбранных сел в трех районах Армении. К сожалению, авторы не сообщают, как была составлена анкета, на какой личный или литературный опыт она опиралась, сколько и каких в ней было разделов и вопросов, по какому принципу отбирались информаторы и как проверялась степень их «опытности». Не освещены также ни процедура отбора сел, где проводилось анкетирование, ни методика хронологической привязки сведений информаторов, которые, как показывает опыт, чаще могут помнить подробности конкретных ситуаций и событий, но не бытовые детали в целом на «конец XIX — начало XX в.». Очень жаль, что совсем не описан в книге сам процесс полевого сбора информации (в котором участвовал достаточно широкий круг лиц) и ее последующей обработки. Это очень помогло бы читателям оценить, как удалось авторам собрать столь значительный объем информации в весьма сжатые сроки двух летних экспедиций (август-сентябрь 1976 г. и июль-август 1978 г.). Все это — частные, но весьма важные детали проведенного исследования. Только зная их, можно сравнивать полученные результаты и материалы с другими, им подобными, оценить достоинства и недостатки составленной авторами полевой программы, наконец, если необходимо, проверить достоверность полученных выводов.

Вызывает удивление и отсутствие в книге самого текста анкеты-программы (данного хотя бы в виде специального приложения). Разумеется, авторы вправе сами решать, публиковать ли им свой научный инструментарий, но существует устоявшаяся традиция, следование которой, несомненно, идет на пользу общему научному поиску. Авторы проделали огромную и чрезвычайно ценную работу по отбору, классификации и описанию деталей культуры жизнеобеспечения. Этот уникальный опыт очень важен для проведения сравнительных кросс-культурных исследований. В книге впервые в отечественной этнографии дается специальный анализ трапез, режима питания (глава о пище вообще одна из самых оригинальных и по-настоящему удачных в книге), приводится развернутое описание пространственной структуры и символики отдельных частей поселения, хозяйственных построек и т. п. Высоко оценивая этот вклад в практику отечественных дескриптивно-этнографических изысканий, можно с уверенностью сказать, что он мог быть большим, если бы авторы шире познакомили читателя с конкретными деталями и практической стороной своего экспериментального поиска.

Можно высказать некоторые другие замечания по оформлению конкретного этнографического материала. В книге явно недостаточно разработан ссылочный и сносочный аппарат, относительно скромна библиография, полностью отсутствуют фотографии и крайне скудны (за исключением планов и рисунков жилищ) в целом иллюстративные и картографические материалы. Для русскоязычного читателя был бы также очень полезен глоссарий использованных в тексте армянских терминов, которыми обозначают отдельные части книги. Все эти частные, на первый взгляд, детали не только украсили бы работу, но и намного повысили бы ее ценность как самостоятельного этнографического источника.

Высказанные замечания не снижают в целом высокой оценки рецензируемой монографии. С полным правом можно сказать, что авторам удалось сделать новый шаг в методологии и практике конкретного этнографического исследования. Можно надеяться, что этот удачный опыт послужит прообразом для развертывания серии аналогичных национально-культурных программ и проведения более общих кросс-культурных сопоставлений.

И наконец, в заключение последний вопрос: оправдало ли себя творческое содружество этнографов и философов-культурологов? Разумеется, у самих авторов, их коллег — философов и этнографов на это могут быть разные точки зрения. На мой взгляд, несмотря на известную специфичность языка и некоторую понятийную услож-

ненность отдельных частей книги, она прежде всего является весьма ярким этнографическим сочинением, образцом высокого уровня этнографического творчества. В этом она далеко выходит за рамки «творческого эксперимента, обосновывающего возможность и необходимость более тесной исследовательской кооперации представителей дисциплин исторического профиля и философии», как сами авторы, вероятно, с излишней скромностью определяют свою работу (с. 5). Вряд ли надо сейчас доказывать кому-либо перспективность сотрудничества этнографии и философии на теоретическом уровне. Рецензируемая работа — яркое свидетельство тому, как союз с теоретической культурологией способен поднять на новый уровень конкретное этнографическое исследование.

И. И. Крупник

НАРОДЫ СССР

Л. Н. Семенова. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л.: Наука, 1982.

Книга принадлежит перу историка, но посвящена теме, очень близкой этнографии и почти забытой историками, — тому, что когда-то именовали «быт и нравы». Так назвал в свое время работу, посвященную людям Киевской Руси, Б. А. Романов¹. вдохновитель и едва ли не единственный предшественник автора рецензируемой работы. Это видно из всего содержания книги, а в обзоре литературы Б. А. Романову отведено почетное первое место.

Для своего исследования Л. Н. Семенова избрала переломный период, когда под влиянием преобразований первой четверти XVIII в. быт и нравы русского общества претерпевали серьезные изменения. Поэтому анализ всех исследуемых вопросов строится на противопоставлении: что было (в XVII в.) — что стало (в начале XVIII в.).

Книга названа «очерками»; это весьма точно определяет ее жанр. Проблематика «быта и культурной жизни России» соответствующего периода в книге не исчерпана, но предъявлять такую претензию нельзя и к монографии, тем более к очеркам. Книга состоит из трех разделов, каждый из которых в достаточной степени самостоятелен, а вместе они дают представление о важных сторонах жизни и быта той переходной эпохи.

Первый раздел, занимающий более половины всего текста (первые три главы), посвящен семье, внутрисемейным отношениям, проблеме социализации детей. Тема второго раздела — общественные развлечения и досуг, третьего — народное потребление, или, попросту говоря, пища. Это четкое тематическое деление, к сожалению, не нашло отражения в формальной структуре книги, ее оглавлении, хотя сам автор определяет такое членение в предисловии (с. 10—11).

Семья. Демографическая проблематика не является предметом исследования автора. Лишь однажды в книге приведены извлечения из демографических и этнографических работ, касающиеся численности семьи (с. 84). Ничего не говорится также о структуре семьи. Интерес исследовательницы сосредоточен на реконструкции быта семьи, внутрисемейных взаимоотношений, системы ценностей. На основе небольшого количества имеющихся источников автору удалось описать формы заключения брака, в том числе свадебную церемонию, начиная со сватовства и заключения брачного соглашения и кончая собственно свадьбой и венчанием. Основные изменения в годы реформ сводились здесь к ослаблению принудительности браков. Подробно изложены также имущественные отношения в семье (институт приданого и система наследования). Целый параграф отведен бракоразводным делам. Как ни редки и ни исключительны были в те времена разводы, но — любопытно — иностранцам казалось, что у русских «развод очень обыкновенен» (с. 52). Большим новшеством петровских времен были браки с иноверцами — на этом вопросе автор останавливается специально. В книге подчеркнут принцип сословности, характерный для брачного законодательства и общественного мнения тех лет. Для выяснения многих явлений использованы законодательные акты; сделано это с осторожностью: автор справедливо замечает, что «правительственные представления о том, как надлежало жить людям, сплошь и рядом расходились с реальной жизнью тех же самых людей» (с. 7). Поэтому везде, где это возможно, Л. Н. Семенова приводит свидетельства о действительном положении дел. При анализе всех вопросов, связанных с семьей, в книге отдельно рассматриваются господствующие классы и крестьянство. Заслугой автора является главным образом изучение семьи именно господствующих классов, до сих пор не исследованной. Что же касается крестьянской семьи, то многие стороны ее жизни освещаются в ряде этнографических работ, которыми Л. Н. Семенова и пользуется, например при характеристике имущественных отношений в крестьянской семье. Но работы этнографов (В. А. Александрова, Н. А. Миненко) посвящены семье у государственных крестьян, поэтому вопросы, связанные, скажем, с ролью помещика в семейной жизни крестьян, и некоторые другие освещаются Л. Н. Семеновой впервые, на собственном материале.

Большое внимание уделено в рецензируемой работе взаимоотношениям между членами семьи. Сведения о положении жены рассеяны по всему разделу. Перед чита-

¹ Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947.